

Алексей СИМОНОВ

Родился в 1939 году в Москве. Окончил институт восточных языков при МГУ и Высшие режиссерские курсы. Журналист, переводчик, кинорежиссёр, правозащитник. Статьи, эссе, очерки печатались в центральных газетах и журналах СССР, РФ, США, Испании, Великобритании... Переводчик произведений Ирвина Шоу, Артура Миллера, Джойс Кэрролл Оутс, Юджина О'Нила, африканских и индонезийских поэтов. Автор нескольких книг прозы (в том числе автобиографической - «Парень с Сивцева Вражка», 2012), а также постановщик более 20 художественных и документальных фильмов «Обыкновенная Арктика», «Мир Улановой», «Отряд», «Мой нежно любимый детектив», «Прощай, старый цирк», «Процесс» и других. Президент Фонда защиты гласности. Председатель жюри премии имени А.Д. Сахарова «За журналистику как поступок» и фестиваля «Сталкер». Лауреат фестивалей кино- и телевизионных фильмов в Грузии, Белоруссии, Югославии и Болгарии. Живёт в Москве.

ПАМЯТЬ ВАЖНЕЕ!

Борис был легендарной фигурой, только вот - из какой легенды? Или былины? Четвертым - в картине «Три богатыря» тоже не подошел бы - слишком изящен, а вот лейтенантом - командиром взвода богатырей, я бы его запросто назначил, только нету таких ни былины, ни легенды.

Если у Слуцкого, в его великом стихотворении «Давайте после драки.» заменить в строчке «. и мрамор лейтенантов - фанерный монумент» на «и гонор лейтенантов - фанерный монумент» - получится про Васильева, как я его понимал и понимаю.

И когда мой отец (Константин Симонов - *ред.*) говаривал, что историю войны напишут не генералы, а полковники, он ошибался. Полковники - не написали, поторопились стать генералами, а это плохо отражается на исторической памяти. Историю эту ближе всего к правде написали лейтенанты: Бакланов, Быков, Васильев, ибо писали они ее с эмоционального конца или эмоционального начала - как и чем легла она на их лейтенантские души. И этот способ измерения истины оказался самым надежным - никакие промежуточные соображения не смогли встать между их эмоциональной памятью и чистым листом бумаги.

Поэтому они не были легки в общении, зато незаменимы в драке. Именно о таком эпизоде из биографии Бориса Васильева, которому я был живой свидетель, я изготовился рассказать.

Восемьдесят шестой год. Май. V Съезд кинематографистов СССР. Если кто еще помнит, - первая ласточка штормовой волны культурной перестройки, буря, выплеснувшаяся за граненые стенки стакана, революция в отдельно взятой отрасли искусства, в отрасли синтетического слияния профессий и амбиций, чудовищное по бесшабашности и неуправляемости действие, когда один из начальников режима Кремлевского дворца съездов, лысоватый полковник в штатском изречет, не стесняясь наших посторонних ушей, «такого бардака эти стены еще не видели».

Он, видимо, предчувствовал будущий съезд народных депутатов. Но до съезда еще три года, а пока тут идет локальная кинематографическая буза, справедливо кажущаяся охраннику бардаком на ритуально-чиновничьем фоне высокопоставленного зала. Или, если хотите, драка, где формируется «поколение пятого съезда».

Итак, зал, в котором периодически, непривычно для его стен, звучит правда - и это впервые, и у нас эйфория, и впереди меня сидит Борис Васильев, и в нем сидит уже граммов сто пятьдесят, а то и двести жидкости, во все времена побуждавшей или поддерживающей наше отчаянье, которое мы принимаем за храбрость. Борис встает и со словами «сейчас я им кое-что объясню» движется в сторону сцены, где затих президиум.

О чем речь-то? О картинах, которые легли на полку, о сценариях, которые успевают поистрепаться, проходя через колючую

проволеку редакторских заградотрядов разного уровня, о самочувствии художника, которому назначенные чиновники указывают, как и что снимать и еще - о тех государственно, барственно авторитетных творцах, которых эта «кипящая злобой шобла» вообще не выбрала на съезд, и в этом зале присутствуют только их полномочные защитники, которым за нас стыдно.

Рассказываю то, во что я верил с тех пор и четверть века подряд, пока не начал писать эту заметку, что было пиковым впечатлением, вынесенным мною из первого и самого важного в моей жизни кинематографического съезда: сухощавая и стремительная, как «выпад на рапире», фигура Бориса взметывается над кафедрой и весь ход съезда поворачивается, словно именно Борис дал ему необходимую для нашего удовлетворения, а то и счастья точку опоры. И жалкие потуги оппонентов, заушников и подхалимов разлетаются, как стая воронов в мультфильме о богатырях. Я многим рассказывал эту картину, запечатленную в моей, счастливой этим воспоминанием, памяти.

Итак, выступление Бориса Васильева повернуло ход V съезда и сделало его тем «судьбоносным» и «историческим», которым мы его тогда считали, а потом считать перестали, но помнили - именно таким.

И я, чтобы какой промашки не было, беру с полки ярко зеленый томик стенограммы пятого съезда. и.

«13 мая 1986 года

10 часов утра. Большой Кремлевский дворец. Делегаты и гости съезда, стоя, бурными аплодисментами встречают появление в президиуме товарищей М.С.Горбачева, Г.А.Алиева, В.И. Воротникова, А.А.Громыко, Е.К.Лигачева, Шеварднадзе. Ельцина. Зимянина... Яковлева А.Н.» - весь цвет кинематографа в полном составе.

Голосуем списком. Состав Президиума, состав Секретариата, Редакционная комиссия, Мандатная комиссия, повестка дня - единогласно, ни возражений, ни замечаний. И даже регламент утвердили стопроцентным поднятием мандатов. И никакого «вдруг». Кто против? Никого. Кто воздержался? Никто. Принято.

Стенограмма точная, дотошная настолько, что даже географическая ошибка в докладе первого секретаря Л.А.Кулиджанова не

исправлена, а обозначена специальной сноской со словами: «докладчик оговорился». И кончается доклад ритуальным: «..помогать ленинской партии в реализации высоких предначертаний ее XXVII съезда (Аплодисменты)».

Дальше - больше. Там, где между выступающим и залом вскипал конфликт, ремарка «аплодисменты» на самом деле искажает реакцию. Аплодировали, чтобы остановить, а то и согнать с трибуны, а в стенограмме - наибольший успех зафиксирован там, где между говорящим и аудиторией был разрыв в отношениях с обсуждаемой темой или персонажем. Вот именно где-то здесь Борис «сказал: поехали и махнул рукой». Но в стенограмме нет даже упоминания о его выступлении. Фамилия его в стенограмме встречается, насколько я могу судить по диагональному чтению, всего два раза: в разделе «Список делегатов» - в числе 270 москвичей, между Анри Вартановым и Екатериной Вермишевой, и в списке избранного Правления на 220 персон, между Роланом Быковым и Владимиром Венгеровым. Всё.

Борис Васильев с Алексеем Симоновым

Я глазам не поверил, я стал листать эти 300 страниц в поисках подтверждения и других, стираемых этой стенограммой фантомов моей памяти: весна, невиданная свобода, режут правду-матку, Борис на трибуне. Но кроме этой пойманной уже мною блохи в виде аплодисментов, не нашел никаких упущений в тексте. Просто все эти слова стерлись за четверть века всем последующим опытом их произнесения. Слова не меняются или меняются незначительно, меняется атмосфера в которой они произносятся, и изменения этой атмосферы губительны для смысла произнесенных слов.

Какое счастье, что, оказывается, Борис Васильев не выступал на этом съезде и остался поворотным его пунктом только в моей личной памяти. Он эти же самые четверть века не был подвержен девальвации. Поставив его на трибуну, память моя сохранила всю напористую безапелляционность его речей, в том числе, как оказалось, не произнесенных, сродни написанным им повестям о войнах, которым он был несравненным историком.

Все последующее многолетнее наше знакомство-общение ни разу не дало мне повода усомниться, что именно он сделал тот съезд таким, каким он счастливо запечатлелся в моей памяти.

Память важнее!